

И.В.Лукоянов

В.С.ДЯКИН КАК ИСТОРИК

Lukoianov, I.V. "V.S.Diakin as Historian".

The paper is dedicated to the activities of V.S.Diakin, famous historian. Making evaluation of his works, the author determines main landmarks in development of the scholar and his contribution to the national historiography. Special appreciation is given to Diakin's detailed proven concept of the Third-June Monarchy in the Russian Empire.

Для оценки ученой деятельности любого крупного историка, как мне кажется, важно не столько то, о чем он писал, сколько то, как он это делал. В одной статье, конечно, невозможно осветить сколько-нибудь полно творчество В.С.Дякина, для этой работы требуется как более детальное исследование, так и более осведомленный исследователь. Некоторые черты В.С. облегчают задачу тем, кто возьмется писать о нем. По моему мнению, одна из них – это цельность личности. Он рано выбрал для себя основополагающие принципы деятельности и следовал им всю жизнь.

Если попытаться дать краткую характеристику В.С.Дякина как историку, то, наверное, самым простым (насколько это вообще возможно) определением будет известное английское выражение «selfmade man».

Становление В.С. как историка началось в Ленинградском университете, во время учебы на историческом факультете в 1947–1952 гг. В те годы там работало немало выдающихся ученых, достаточно вспомнить такие имена, как Б.А.Романов, С.Н.Валк, Н.П.Полетика и др. В.С. сразу проявил интерес к научной работе, участвовал в работе кружка по новой истории. Почему именно «новистика» заинтересовала начинающего студента-историка? Может быть, на его выбор повлиял интерес к истории германского фашизма, сложившийся у него еще на школьной скамье. Нельзя сказать, что германские исследования были заметным направлением на историческом факультете. По отзывам современников, на Кафедре новой истории тогда не было людей, популярных в университете. Обычно вспоминают профессора-германиста В.Г.Брюнина, отмечая его педантизм (даже занудство) и четкость в организации исследовательской работы. Возможно, что Брюнин оказал влияние на культуру научной деятельности В.С., но надо отметить, что и до университетской скамьи В.С. отличали аккуратность и тщательность в учебных делах.

Уже в первом большом научном докладе «Мюнхенский путч Гитлера 1923 г.», подготовленном В.С. на втором курсе университета, четко проступили черты его исследовательского стиля: стремление сочетать общие подходы с конкретными деталями, в высшей степени внимательное отношение к источникам, которые он мог использовать по столь «горячей» теме, точные комментарии, осторожное и критическое использование сведений различного происхождения. Можно сказать, что уже тогда, на втором курсе истфака, В.С. обладал высокой исследовательской культурой, что очень важно для начинающего историка. Особо надо отметить внимание В.С. к биографиям своих героев: в докладе он стремился давать им личностные характеристики. Это и оживляло рассказ, и давало пищу для размышлений.

Тема германского фашизма не получила развития в научной деятельности В.С.Дякина. Думаю, что виной тут послужили не зависевшие от него обстоятельства: вряд ли в середине 50-х годов в СССР можно было всерьез исследовать фашизм, да

еще и с тех позиций, с каких это начал делать В.С. Однако от германистики он не отошел. Кандидатская диссертация, написанная за время пребывания в аспирантуре Института истории в Москве, и изданная на ее основе первая монография В.С. (Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма 1924–1928 гг. М.; Л., 1961) были посвящены политической ориентации немецких рабочих в середине 20-х годов XX в.

Книга показала, что подходы В.С. к историческому исследованию не изменились: широкий исторический фон, стремление увязывать многочисленные и разнообразные обстоятельства, максимально широкий круг использованных источников, в том числе такого трудоемкого, как газеты. Даже для столь «нерусской» темы В.С. сумел найти оригинальные документальные материалы в фондах Государственного музея революции. Где можно – в примечаниях, мелким шрифтом, В.С. стремился давать биографические сведения об упоминаемых персонажах.

Однако первая книга оказалась в некотором отношении и последней – последней, в которой у В.С. не было собственной концепции проблемы. Идейной конструкцией монографии были, конечно же, официальные установки против социал-демократов из-за «оппортунизма», и радикалов КППГ – из-за «неуместной» в тот момент революционности. Считалось, что на основе инструкций из Москвы и антибуржуазной риторики можно было успешно противостоять всем иным влияниям. Выход за рамки этих директив был невозможен. Тем не менее в книге можно почувствовать некоторую неудовлетворенность В.С. Начавшийся в 1924 г. экономический подъем и повышение жизненного уровня населения, о чем упоминается в исследовании, не могли сопровождаться ростом революционизации масс. Несмотря на все заклинания коммунистов против социал-демократов, идеология последних выглядела более обоснованной, чем призывы к подготовке революции. Не случайно В.С. привел данные, свидетельствующие о ничтожном влиянии КППГ на некоторых предприятиях (1961. С.34, 133). Но помимо того, в 20-е годы в Германии появилась новая идеология – национал-социализм, о чем В.С. отлично знал. Однако в книге речь о фашизме подробно не

идет, а фразы о том, что фашизм не имел никакого влияния в рабочей среде, выглядят теперь простыми отписками. Подобные заявления никак не вписываются в исследовательский метод В.С., поэтому я склонен считать их как обязательную дань официальной идеологии. Даже серьезная постановка проблемы о влиянии фашизма на рабочее движение вряд ли была возможна в тех условиях.

Добротню сделанная монография содержала неизбежную заданность подходов и оценки, следовательно, несамостоятельность автора. Перед В.С. стояла дилемма: или официальные доктрины, или реальные факты. В то время это была проблема, с которой сталкивался любой серьезный историк, и каждый решал ее по-своему. Дальнейшие работы показали: В.С. избрал мерилем профессионального подхода факт, стараясь при этом не ссориться с властью. Применительно к своим более поздним студиям он даже вывел шутивную формулу: «Соломкой путь стеля, блюду я два завета: не позже Октября и не левой кадета». Впрочем, к 1961 г. перемена исследовательских интересов стала уже свершившимся фактом. В 1958 г. В.С. вернулся в Ленинград, поступил на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР и сосредоточился в основном на изучении отечественной истории. Причин для этого было, по-видимому, немало: и непростые отношения с коллегами-германистами в Москве, и изменения в приоритетах исследований, и открытие широкого доступа исследователей к архивам.

«Немецкие» же сюжеты в творчестве В.С. не исчезли совсем. Свообразным примирением их с переходом к изучению русской истории стала книга «Германские капиталы в России» (Л., 1971). В ней В.С. совершенно отказался от схоластических упражнений, свойственных некоторым советским историкам, сводившим проблему иностранного капитала в России к тому, была Россия полуколонией или нет, и использовавших фактический материал только для подтверждения или опровержения этого тезиса. В.С. нашел естественную точку отсчета для своих рассуждений – это рынок электроиндустрии в Европе в целом и интересы германских инвесторов и фирм в России. Он

показал сложную картину конкуренции, переплетения интересов, постоянной динамики места и роли немецких фирм на рынке русской электроиндустрии в зависимости как от чисто экономических, так и политических факторов (приближение и начало Первой мировой войны). Очень важна для понимания проблемы и другая сторона метода В.С. – изучение иностранного (в данном случае – немецкого) капитала и его влияния на российскую экономику в целом по отдельным отраслям. Только такой подход давал бы возможность действительно научной оценки этого сложнейшего процесса. Конечно, В.С. не расставил все точки над «и», да и не мог этого сделать в силу многих причин (невозможность использовать немецкие архивы, слабая изученность ряда сторон российской экономики, в первую очередь банковской, и др.). Однако он написал одну из лучших в отечественной историографии книг, посвященных деятельности иностранного капитала в экономике России.

Первое большое исследование В.С.Дякина по истории России – «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917» (Л., 1967) – стало и его докторской диссертацией. Можно сказать, что эта монография – важный рубеж в творчестве В.С., и не только потому, что она принесла ему известность. Многие авторские подходы и решения ставили книгу в число достижений советской историографии.

Выбрав темой конфликт между самодержавием и легальной оппозицией в годы Первой мировой войны, В.С. шел к ее раскрытию не с позиций какой-либо доктрины, а от фактов, неоднозначных и противоречивых, которые не укладывались ни в одну из существующих концепций. Сбор материала и его обработка потребовали от автора и колоссального труда, и значительного времени. Сам В.С. говорил, что на изучение одного года политической истории России периода Первой мировой войны он тратил один год работы. Впервые им был мобилизован огромный архивный материал. Особо отмечу изучение В.С. газет: он стал одним из первых историков, кто не побоялся столь трудоемкого источника. Сведения, почерпнутые из газет, заняли в книге особое место: как правило, они не были главной частью информации по важнейшим событиям, однако дополняли

картину, донося до читателя слухи, настроения, оценки различных политических сил. Эти данные зачастую являлись уникальными и позволяли лучше понять намерения участников тех событий, возможности альтернатив в развитии ситуации.

Ленинские же сочинения были в книге В.С. не кладезем премудрости и предметом поклонения, а служили преимущественно для того, чтобы, пользуясь цитатами «Полного собрания сочинений», излагать собственные взгляды и оценки.

Такое (и вполне оправданное) отношение В.С. к официальным доктринам неизбежно ставит вопрос о его действительных взглядах. То, что В.С. не питал иллюзий в отношении официально господствующей в стране идеологии марксизма-ленинизма, еще не говорит о том, что он целиком отвергал ее. Вообще взгляды В.С. совсем необязательно втискивать в рамки какой-либо философии. Не могу утверждать, но мне кажется, что В.С. разделял многие положения, но не официальной идеологии, имевшей мало общего с действительными взглядами тех, кого называли «основоположниками», а действительного марксизма, который в советской терминологии назывался «меньшевизмом». Влияние марксизма легко прослеживается: в книге по политической истории России периода Первой мировой войны В.С. показал социальную обусловленность политических позиций различных партий и групп (1967. С.33), выводил из массового рабочего движения многие политические события (С.96–97, 234), в том числе и Февральскую революцию (С.314–315). Однако одновременно В.С. пришел к ряду выводов, не вполне соответствующих постулатам марксизма. Так, он признал значительные различия в позициях между «буржуазной» партией прогрессистов и самой буржуазией (С.149, 187, 189), определенную независимость в действиях власти от помещиков, которых он тогда рассматривал как социальную опору режима. Конечно, тут надо учитывать и стремление В.С. по возможности не противоречить существующим идеологическим постулатам, и его осторожность как ученого. Но я рискну предположить, что, перефразируя известную формулу, для В.С. если теория противоречила фактам, то тем хуже для теории. В этом, мне кажется,

было важнейшее достоинство В.С. как историка. В этом и заключался пафос его книги.

Если говорить более детально о научных результатах монографии 1967 г., то В.С. в этой книге впервые системно показал кризис политической организации России в годы Первой мировой войны во всей его сложности и неоднозначности. Внимательному читателю было очевидно, что обреченность царизма проистекала не из самого факта существования и размаха массового движения, которое было помещено В.С. вне рамок политической системы «самодержавие – либеральная оппозиция» (что, например, показывает история неудачной попытки либералов подчинить себе рабочее движение через рабочие группы при Центральном военно-промышленном комитете), а из-за того, что эта политическая конструкция уже после 1905 г. оказалась не в состоянии решать насущные проблемы и была сметена стихией революции.

Как впоследствии оказалось, монография «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917» положила начало целому циклу исследований, посвященных политической истории третьеиюньской монархии в России, не имеющему себе равных по уровню и охвату событий. В этот цикл входят прежде всего две монографии: «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. (Л., 1978) и «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.» (Л., 1988), главы 3 и 4 в коллективной работе «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» (Л., 1984) и первые три главы части 7 книги «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (СПб., 1996), а также ряд статей. К сожалению, исследование двух проблем оказалось незавершенным – я имею в виду историю национальной политики и изучение религиозных конфессий в Российской империи. Но тем не менее в историографию В.С. вошел как автор собственной и цельной концепции истории политического строя в России 1907–1917 гг.

Подход В.С.Дякина к истории третьеиюньской монархии характеризуется прежде всего понятиями «системности» и «процесса». В.С. выделил и рассмотрел все существенные элементы третьеиюньской политической системы в их взаимодействии

и взаимообусловленности, а также характер и направление их развития.

Понимание В.С. третьеиюньского самодержавия основывалось прежде всего на месте царизма в политической системе России. Если в 1967 г. он еще повторял без комментариев ленинскую характеристику самодержавия как «банды черносотенных помещиков» (1967. С.17), то в 1978 г. он четко определил суть позиции царизма как бонапартизм или лавирование (1978. С.18). В.С. уже прямо заявлял об определенной самостоятельности и независимости самодержавия, не пытаясь жестко связывать его с какой-либо социальной базой, кроме бюрократии. Он также решительно разделил взгляды власти и пресловутой «банды черносотенных помещиков»; это можно выразить простой фразой, как сделал его непримиримый оппонент А.Я.Аврех, – что Столыпин и правые – не одно и то же.

Впервые в историографии В.С. всесторонне проанализировал политический курс Столыпина и его сложную и широкую программу преобразований, убедительно показав, что практически вся она, за исключением аграрной реформы, была свернута из-за отчаянного сопротивления правых (1988. С.9–10). Работы В.С. поставили крест на примитивном понимании реформ в России как побочного продукта революции или как следствия массового народного движения.

В общем взгляде на третьеиюньскую монархию В.С.Дякин был фаталистом. Свои представления о причине неизбежности краха царизма он подробно изложил в «Кризисе самодержавия в России», обусловив его исторической слабостью российской буржуазии, которая в конечном счете, несмотря на растущее ее противостояние власти, не смогла преодолеть сопротивление правых и заставить царизм пойти на глубокие реформы. В.С. считал, что вся история последних десятилетий существования Российской империи ознаменовалась лишь несколькими попытками восстановить в полном объеме преобразования, задуманные реформами 60-х годов (1988. С.5). Последний шанс самодержавия он относил к 80-м годам XIX в., после чего страна, с его точки зрения, была уже обречена на революцию.

У меня сложилось впечатление, что в последние годы жиз-

ни пессимизм В.С. в отношении путей развития России во второй половине XIX – начале XX в. только усилился. В своей последней, завершенной в 1993 г., книге «Деньги для сельского хозяйства» (СПб., 1997) и незавершенной – «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.)» (СПб., 1998) он пришел к выводам, что любые крупные инвестиции в сельское хозяйство не давали желаемого результата из-за многих нерешенных проблем и архаических черт российской деревни, а национальные проблемы вообще выглядели неразрешимыми. Можно, конечно, по-разному относиться к такому пессимистическому заключению В.С., но не следует забывать, что это суждение одного из крупнейших специалистов по истории Российской империи.

В.С.Дякин в своем творчестве дал масштабную картину политической истории Российской империи в последнее десятилетие ее существования – картину, построенную на выверенных и тщательно подобранных фактах. Именно полнота и убедительность этой картины является главным вкладом В.С. в отечественную историографию. На сегодняшний день – это самая обоснованная и детально аргументированная концепция третьеиюньской монархии, признанная большинством как российских, так и зарубежных исследователей.